

Галина МУХИНА

**«МЫСЛЬ – ОСНОВА ЛИЧНОСТИ.
БЕССМЕРТИЕ – СОЗДАТЕЛЬ
ГАРМОНИИ В МИРОВОМ ХАОСЕ»**

80-летию со дня смерти В.В. Вернадского

Владимир Иванович Вернадский (1863 – 1945) – ученый-энциклопедист, академик, открывший новое биосферно-ноосферное видение мира. Биосфера под влиянием научных достижений и человеческого труда постепенно переходит в новое состояние – ноосферу – сферу разума. Учение о ноосфере – это крупное философское обобщение, возникшее на стыке двух направлений его научной работы – биогеохимии и истории наук.

Главной книгой его жизни стала «Научная мысль как планетное явление». Это итог творческих исканий ученого, глубокие размышления о взаимоотношениях науки и философии, оптимистическая вера в будущее человечества, освобождение от войн, социального и расового неравенства, нищеты, голода, болезней. Книга была издана только в 1991 г. без купюр после многократных публикаций.

При жизни ученого опубликована только треть им написанного. Затем стали появляться отдельные произведения. 150-летний юбилей в 2013 г. отмечен изданием собрания сочинений в 24 томах*. Это стало

* *Вернадский В.И. Собрание сочинений: в 24 т. / В.И. Вернадский; под ред. академика Э.М. Галимова; Ин-т геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского; Комиссия РАН по разработке научного наследия академика В.И. Вернадского. – М: Наука, 2013.*

Галина Мухина родилась в 1939 году. Окончила исторический факультет Уральского госуниверситета, аспирантуру по кафедре новой и новейшей истории Московского государственного педагогического университета им. В.И. Ленина. Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского госуниверситета им. Ф.М. Достоевского до 2017 года.

*Автор трех книг и полусотни статей по истории и культуре.
Живет в Омске.*

признанием В.И. Вернадского как исторической личности, классика и мыслителя, а его трудов – как части культурного наследия нации (Э.М. Галимов, директор института его имени в 1992 – 2015 гг.). Шесть томов отведены дневникам, а два – письмам к жене Наталье Егоровне Вернадской (Старицкой в девичестве, из княжеского рода). По ним можно представить становление универсального ученого мирового уровня, гражданина, демократа, масштаб интересов его личности, невероятно широкий круг общения, его служение истине. Он настоящий пророк в своих научных прозрениях, настоящий воин на рубеже битвы добра со злом, для которого главным оружием была свободная мысль и свободное творчество. Его жизнь и его мысли дают возможность приблизиться к пониманию облика ученого как такового, поскольку он в своих требованиях к научному труду устремлялся к идеалу, искал и находил достойные примеры в современном и прошлом.

Вернадский рано осознал свое призвание и следовал ему в течение всей жизни. Он сам удивлялся своей странной судьбе, о чем сообщал в письме к жене Наталье Егоровне: «Больше всего прельщали меня, с одной стороны, вопросы исторической жизни человечества и, с другой – философская сторона математических наук... Не пошел по исторической, потому что хотел раньше получить подготовку естественноисторическую и потом перейти на историю, не пошел по математической, потому что не верил и не верю в свои математические способности» (3 января 1889 г.). Оказавшись на распутье между гуманитарным и точным знанием, он фактически, как показали его исследования по истории научного мировоззрения, отдал предпочтение широкомасштабному синтезу.

Дорожил своей семьей и знал свои корни. Писал невесте Наталье Старицкой: его фамилия (сначала просто Верна) происходит из Литвы. Во время войн Хмельницкого против Польши литовский шляхтич Верна перешел на сторону казаков и с ними боролся против панства. Его дед Василий Иванович Вернадский вопреки воле отца стал не священником, а лекарем, потом военным врачом. Во время наполеоновских войн в 1799 г. он, начальник госпиталя, попал в плен и возвратился оттуда масоном и мистиком, заслужив орден Почетного легиона за врачебную деятельность. Отец Иван Васильевич после окончания Киевского университета стал профессором политической экономии и статистики в нем, а потом – в Московском. Это был прекрасный человек, которого сын очень любил, но по характеру с ним не совсем сходился. Горячий и вспыльчивый, отец был «человеком ясного ума, замечательно нежной, мягкой души». Мать Анна Петровна Константинович (до замужества), дворянского происхождения, была классной дамой в Женском благотворительном училище, занималась музыкой и пением. Родители «любили друг друга чрезвычайно» (29 мая 1886 г.). В семье царил полный религиозный индифферентизм: отец был деистом, мать – неверующая. В Дневнике Вернадский не раз вспоминал устои, сложившиеся в семье. «У отца не было верноподданнического чувства – он воспитывался в

атмосфере декабристов и традиций украинства» (17 июня 1944 г.). Отец учился в гимназии, и в старших классах говорили по-латыни свободно. В Киеве его юности доминировало влияние польской культуры. А лозунг «Долой самодержавие!» В.И. Вернадскому был знаком почти с детства. По отцу и матери – считал себя малороссом (помнил время, когда название «Украина» еще не употреблялось) (1944). С детства связанный с Украиной множеством семейных, родственных, дружеских нитей, он в равной степени ощущал свою принадлежность к русской и украинской культуре, не разделял их. Отец страшно любил украинские песни, а мать их прекрасно пела. У родителей было очень сильно украинское чувство народности – а отец сознавал полное различие украинского народа и других славян (6 сентября 1924 г.). В.И. Вернадский испытал в отрочестве большое влияние двоюродного дяди Е.М. Короленко (вдохнувшего интерес к природе, астрономии) и приходился троюродным братом писателю В.Г. Короленко.

Признавался Наталье Егоровне в своем сокровенном: «Любовь – чувство цельное, она не допускает никаких сделок, никаких разделений. Я не понимаю, как, каким образом можно разлюбить человека, которого раз полюбишь, а мне кажется, что те, которые потом разлюбили, – никогда не любили». И сообщал о своем предназначении: это будет деятельность ученая, общественная и публицистическая. Полагал, что в совместной работе заключена сила и значение семьи (июнь 1886 г.). Это так и было в течение почти 56 лет совместной жизни.

Почитание учености в семье, интерес к естественным и историческим наукам определяли всю его творческую жизнь. Вдохновлялся реальными примерами: в Санкт-Петербургском университете его любимыми профессорами были В.В. Докучаев, ставший его научным руководителем, и Д.И. Менделеев. А первая научная публикация связана с результатами Нижегородской экспедиции по обследованию почв и геологических отложений.

Тогда же возникло студенческое братство. На принципах: работай как можно больше, потребляй как можно меньше, на чужие беды смотри как на свои. В него входили студенты разных факультетов Петербургского университета: Андрей Краснов, Н.Г. Ушинский (биологи), братья Федор и Сергей Ольденбурги (филолог и востоковед), Дмитрий Шаховской (историк и литературовед), Александр Корнилов, Иван Гревс (историки) – они стали его друзьями навсегда (в тесном общении и взаимной помощи). Чувство дружбы и братства не только «красит жизнь», но и дает большую, чем что бы то ни было, «возможность развернуться человеческой личности» (1920). С Д. Шаховским, «хранителем» идеи Братства, Вернадский дружил почти 60 лет и пытался спасти его заступничеством перед властями в 1938 г.

Развитие человечества братья связывали с наукой, но не с одной чистой наукой. Важно выйти за пределы узкой специальности, иначе «теряется мировоззрение», а с ним – и «высшее, осмысленное удовольствие, доставляемое наукой». Смотреть на науку «обширным

взглядом» – с чувством долга и стремлением к идеалу (из дневника, 1884 г.). Братство скрепляла общая идея: «народ должен понимать свои силы и права», чтобы «самому управлять собой». Исходить же из чего? «Государство и правительство существуют для народа, а не народ для государства и правительства». Когда большинство поймет свое положение и свои силы, только тогда возможно «более разумное ниспровержение нынешнего паразитного правительства». Для этого необходимо распространение знания и народная литература. Неизбежно поднимался вопрос о религии. «Не признавая ни души, ни загробной жизни», Вернадский вопрошает: «Стоит ли тратить свои силы на распространение и усиление тебе враждебного религиозного настроения, мистических взглядов и идей? Пусть без нас распространяют их другие, пусть не пускает глубоких корней фанатизм, и теперь завладевший массой». Допускал, что есть «известные услады» от веры и надежды на загробную жизнь, но все заключается в этой жизни (1884). Затем, в Париже, признал: «Великая ценность религии для меня ясна, не только в том утешении в тягестях жизни... Я чувствую ее как глубочайшее проявление человеческой личности... А между тем для меня не нужна церковь и не нужна молитва. Бог – понятие и образ, слишком полный несовершенства человеческого» (9 ноября 1922 г.). В книге «Биосфера и ноосфера»^{*} можно найти объяснение этому: отношение к религии связано с выбором научного метода. Он – реалист и считал, что к изучению явлений жизни надо подходить «чисто эмпирически», потому что в естествознании оно проникнуто «чуждыми по своему генезису науки философскими и религиозными построениями», и надо следовать только обобщениям, основанным «на всей совокупности известных фактов».

Был убежден: «И в этой жизни надо стараться достигнуть невозможного счастья» – «выбрать лучшее, по своим стремлениям», «быть в ней самостоятельным», «приобрести знания, развить ум, добиться власти» (то есть влияния). В социальном плане – добиваться улучшения жизни масс в России. Принципы реформы: ограничение права наследования, государственная собственность на землю (для сдачи в аренду), отказ от постоянной армии и двора, обязательное образование в первичных школах и бесплатное – в высших и технических (1884).

Жизнь в братстве ставила вопрос о приобретении имени, чтобы структурировать себя в обществе по-новому: возродить родовую организацию и через 2–3 поколения превратить ее в кровную родовую общину (жене, 26 февраля 1889 г.). Идею братства принимал как форму борьбы и жизни ради человеческих прав и любви к народу (жене, 18 марта 1892 г.).

Когда в России начался голод, Вернадский поспешил на помощь. Почувствовал себя в одном строю: «Какая масса хороших людей, сколько горячих сердец, сколько живого, дорогого во всех этих людях... Не

^{*} Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. – М.: Наука, 1989.

может пройти бесследно для русского общественного движения – это новое хождение в народ» (жене, 26 февраля 1892 г.). А когда «упустили холеру, хотя знали ее с февраля», писал: «Нет у нас государственного порядка... А Русь могуча, жива, и сколько, Боже мой, силы гибнет в ней» (жене, 25 июня 1892 г.)

Более всего в науке его занимала личность ученого. А в истории научной мысли – и своего места. Он писал Наталье Егоровне: «...чувствуешь, точно какая-то неведомая, невидная цепь сильно связывает тебя с философом-греком, средневековым монахом, арабским врачом или одним из великих ученых последних трех столетий... на каждом шагу видишь следы их работы, их мысли и только дальше продолжаешь их, а твоя мысль сливается с их мыслью». Чтобы вместе стремиться «к неясному, но всем нам понятному идеалу» и на пользу людям. В науке ценил скептический ум, сомнение как созидательную силу (3 июля 1886 г.). И форму убеждений: нет ничего сильнее «живого, свободного слова», ораторского искусства лектора, его не заменить ни газетой, ни блестящим памфлетом, ни печатной статьей. Без хороших ораторов, лекторов университеты не будут иметь никакого влияния, не будут центрами искания правды, любви к науке, прогрессу, человечеству. И за образец принимал профессора Т.Н. Грановского (из письма к жене 6 июня 1887 г.).

Отмечал непредсказуемость в творчестве: ученые – это «фантазеры и художники», они могут хорошо и долго работать только над тем, «к чему лежит их мысль, к чему влечет их чувство». Идеи меняются, появляются подчас «самые невозможные, часто сумасбродные» (2 июля 1887 г.).

Сознавал: «И какая трудная вещь передать “личность” в курсе. А между тем эта передача – самое главное, самое дорогое, что есть в университетском преподавании» (жене, 10 августа 1890 г.). «Мысль – основа личности – бессмертие... она создатель гармонии в мировом хаосе» (10 – 11 июля 1890 г.). «Мысль в общей жизни человечества – все, самое главное. Для жизни отдельных лиц имеют цель доброта, нежность, чувство, без этого, конечно, нельзя и не стоит жить, но для целого общества, для целой массы Мысль заменяет все» (жене, июль 1890 г.). Только возникает сомнение, когда сравнивает личность ученого и литературного героя: Манфреды Байрона и Фаусты Гете «удовлетворяют большему чувству», чем Ньютоны, Лавуазье, потому что герои имеют надежду остаться навеки личностями, в них заключается смысл их жизни. А ученые? «Что они дали и что они взяли? Для чего дали?» (жене, 5 июля 1890 г.).

Тогда приходило убеждение: каждая личность в своей жизни является «борцом проникновения сознания в мировые процессы, она своей волей становится одним из создателей и строителей общего закона, общего изменения... участвует в глубоком процессе – переработки мировых явлений в целях, выработанных Сознанием». Сила личности, влияние ее, понимание ею жизни (как «общественное дело великой важности для всякой личности, не живущей на необитаемом острове») увеличиваются «по мере вдумывания в процессы будничной жизни». Люди с сильной волей и ясным сознанием могут изменить ненормальные условия жизни.

Количество и качество таких людей решают судьбу государства. В России не хватает «талантов или могучих публицистов», передовых вождей в беспощадной борьбе со злом. Тяжелое положение: «у нас завязан рот, заткнуты уши, мы не имеем почти возможности влиять на поступки... государства, гражданами которого являемся». Есть только «особенно дорогой, особенно близкий и красивый» идеал свободы, который для наших западных соседей является предметом не желания, а обладания. В нашей русской жизни особенно ясна его «красота, гармония и сила» (1892). Идеализированная Западная Европа его вдохновляла. Можно сплотить, оживить русское общество лишь пропагандой идеи демократии. Это единственная форма общественности со свободой личности, «высшая форма с точки зрения развития сознания» (1893).

Ставил вопрос о гигиене мысли. Казалось, важнее всего в жизни – стремление и достижение гармонии. Не отвлекаться «исключительно в сторону личных, мелких делишек», когда есть великие идеалы и для мысли столько кругом «гармоничного, широкого, красивого». И стал готовить «Наброски о гигиене мысли» (27 мая 1892 г.). Хотелось написать о значении личности в развитии человеческой мысли: он мало верил «в массовые силы в истории», в общину. Говорил даже: «Какой, в сущности, русский человек – холоп в душе!» (жене, 29 июня 1893 г.), настаивая на реформах и освобождении человеческой личности (жене, 13 июня 1894 г.). Это упиралось в демократическое устройство общества (но не в социал-демократию) как способ для развития высших форм сознания и культурного возвышения масс (жене, 7 июня 1893 г.).

В русской жизни тогда он видел только один путь – «жить самому по себе вне созданных рамок, которые, правда, дают почет, “славу” и положение, – но вынимают душу, растрачивают время и силы». Настоящее общественное служение – идти своим путем к намеченной цели. Для него цель – научная созидательная работа, хотя она не в ладу с бюрократическим университетским строем, но не стоит тратить силы на борьбу с ним (1900). Из записок 1901 г.: «Не влияние христианства, а главным образом усиливающееся влияние науки и научного духа вызывает большую гуманность в общественном строе и в государственной жизни». Во многом потому, что «дух научного искания тождественен и неразрывно связан с чувством человеческого достоинства». «Наука основана на свободе человеческого разума, тесно и неразрывно связанного с демократическим духом равенства».

Со всей очевидностью вставала тема воспитания. Оно может осуществляться на религиозной, или гуманитарной, или гражданской основе. Одна из его задач – и самая главная – «осмыслить жизнь и цель жизни». Цель может быть понята как работа на пользу человечества и поставлена гражданским обществом (например, как у греков). Современное воспитание не мыслил без знакомства с древней классической жизнью и с произведениями древних классиков (не говоря уже о языке). Ибо это «время духовного единства человечества, время зарождения человечества и гражданина – от него исходят все без исключения наши

основные идеи, наши общественные учреждения и даже европейские религии (так как христианство, как все более выясняется, тесно генетически связано с греческой философией)» (жене, 5 мая 1892 г.).

Он звал на помощь историю, чтобы осознать великую силу Рима и всемирное значение его империи, оценить потерю, какую понес мир от его гибели. Погибла связующая цепь. Погиб «класс людей», который вопреки порокам, даже преступлениям, охранял особенно дорогое нам в древней цивилизации: науку, искусство, философию. Ему дороги и близки античные понятия красоты и гармонии. Он готов признать, что для него все ценное на земле почти неразрывно с существованием богатых классов. Но, обнаруживая эту связь, сознает необходимость социальных изменений, чтобы развивать науки и искусства, расширять массовое образование, поддерживать музеи, лаборатории, университеты (жене, 1 августа 1888 г.). В России ему невыносимо, «больно и жутко» смотреть на «бессмысленное, непонятное глумление над людьми», их угнетение, на стенание в казематах, тюрьмах. Потому для себя вывел: главное – искание правды, чтобы «не сделаться какой-нибудь ученой крысой, роющейся среди всякого книжного хлама и сора» (жене, 2 июля 1887 г.).

Он сомневается: была ли победа христианства прогрессивным явлением, не кажется ли нам это оттого, что лучшие произведения древней, античной мысли и творчества до нас не дошли. Важно, «чтобы человек свободно жил в мире идеалов», как хорошо об этом сказано у императора Марка Аврелия, который был «человеком более могущественным, чем кто-либо из современных нам людей». Книжку его, с пометками на полях, советует почитать жене и добавляет: «...начинаю понимать греческие статуи – это... все то же великое стремление к идеалу, к истине, к лучшему...» (4 августа 1888 г.).

Пергамские остатки, выставленные в Берлине, произвели «чарующее впечатление», как «великие создания мысли»: он чувствовал на себе влияние «этих великих Греков, этих неведомых мыслителей-художников», которым больше двух тысяч лет, точно что-то «живо, тесно связывает с чем-то бессмертным, оставшимся от того времени». Удивляла группа в главной ротонде: борьба Титанов – детей Земли – с богами, фигура Зевса (без головы) и Аполлона (тоже), Земля – Гея, могучая и великая и по сравнению с богами и Гигантами, миф о Прометее («гордое чувство свободной человеческой души»). Не соглашался с музейным текстом объяснения группы как борьбы духа богов «с животностью – Титанами». На его взгляд, здесь выражена «свободная, гордая мысль, мысль, гонящая Тоску, движущаяся вперед» (жене, 31/19 августа 1889 г., Берлин).

Вот и в Крым его влечет любовь к греческой древности, к той эпохе, «когда человеческая – и физическая, и духовная – личность достигала такой красоты». Здесь было влияние Милета, Афин, откуда проникала высшая форма человеческой культуры до Перми и до степей Восточной Азии (жене, 7 июня 1893 г.). Позже возник вопрос: «...греки поднялись до того совершенства, какого только достигало человеческое творчество. Быстрое достижение предела, а затем такая же возможность быстрого упадка. Неужели это неизбежно?» (жене, 23 августа 1909 г.).

В «Мыслях о современном значении истории знаний» (1926) Вернадский выделяет в череде двух с половиной тысяч лет (а это ничтожно перед длинной жизнью человечества: всего 80 – 90 поколений) «три резких подъема научного сознания».

Первый (в VI и ближайших веках до н. э.) – создание великой эллинской науки, расцвет техники, утверждение в знакомых и близких нам формах философской мысли, «глубочайшая интуиция, искание смысла бытия» – в религиозных исканиях, в мистериях.

Внезапный и яркий расцвет эллинского гения представлялся не раз в XIX и в более ранних веках «великим чудом», пока не было выявлено движение мысли Нового времени. В письмах к жене он выразил свое понимание этого развития: оно не может быть сугубо рациональным и «должно иметь свои корни в другой области, полной поэзии и фантазии: жизни, или искусства, или философии, «как корней и жизненной атмосферы научного мышления» (жене, 20/7 августа 1902 г.).

Второй период – Новое время. Дидро и энциклопедисты – «официальное начало современного научного мировоззрения». А многие превозносили позитивизм, хотя он является лишь результатом великого научного построения, представителем которого в XVIII столетии явился Дидро. Хотя с точки зрения истории философии «обобщения мысли “философов” XVIII столетия» не столь глубоки, но они приобретают иной смысл и значение, если подойти к ним как «к проявлениям научного мировоззрения» (жене, 19 апреля 1903 г.). Его удивляло, что эта сторона ее совершенно не затронута в главных работах, посвященных энциклопедистам, отступает на второй план и даже совершенно выпадает. «Между тем именно в этот век наука и точное знание играли не меньшую, если не большую роль в истории человечества, чем в наше время» (жене, 28 апреля 1903 г.).

Кстати, Шарль Сент-Бев, «величайший критик XIX века», выделял именно Дени Дидро из всех просветителей XVIII века, который «с наибольшей полнотой» выразил «философский бунт» и стал «духом и голосом всего столетия, его главным и ведущим теоретиком». Стал «организующим центром» и вождем «непокорного стана мыслителей», чтобы отважиться на издание грандиозного проекта века – 35-томной «Энциклопедии» (1751–1780) (из более чем шестидесяти тысяч статей), которой отдал 25 лет своей жизни, вступив в большую битву с издателями, церковью и властью. Но Вернадскому было неизвестно, что пик идейного развития Дидро – это участие и в создании «малой энциклопедии» как главного (но анонимного) автора – коллективной работы «История обеих Индий», выходявшей в многочисленных изданиях под именем аббата Гийома Рейналя в 1770–1790-х годах. В разделе ее, посвященном американской войне за независимость, Дидро шел от атеизма к антиколониализму, аболиционизму, уже заранее преодолевая горизонт 1789 года (Ives Benot, 1970).

Третий взлет связан с XX веком, который «вносит с все увеличивающейся интенсивностью коренные изменения в миропонимание Нового времени». В отличие от прошлых веков XX столетие он называет

веком *«научного атомизма»* и конкретизирует: «Подходя геохимически и биогеохимически к изучению геологических явлений, мы охватываем всю окружающую нас природу в одном и том же атомном аспекте»*.

Конец XIX и особенно начало XX века в истории естествознания являются поразительной и небывалой эпохой катастрофического изменения, эпохой величайшей научной революции. Подготовленный прошлым, этот перелом охватил нас «как вихрь».

И указывает на любопытный психологический результат: «Мы научились за последние годы в науке ничему не удивляться, считать невозможное возможным».

Мировая война поставила новые вопросы: всколыхнула мечты об ограничении милитаризма как государственной системы. А от научных организаций и отдельных ученых потребовала технической работы против ее разрушительных сил. Тяжелый удар война нанесла науке, прервав научные сношения. Россия явно уступает другим и тратит исключительно мало для изучения своей природы и для овладения ее силами, которые лежат у нас «мертвым капиталом». Вернадский обращается к поучительному примеру Америки: за 40 лет она колоссально продвинулась в развитии производительных сил. Он был в 1913 г. в Вашингтоне – центре ученой жизни Штатов и ощутил «силу умственной работы новой демократии», как залог будущего развития человечества (жене, 6 сентября/24 августа 1913 г.). А еще недавно она была провинцией Европы, «отдаленной и в идейном смысле захудалой». Его поражала энергия достижения цели и новая техника. Но заметил и оборотную сторону. «Красивая страна обезображена. Леса выжжены, часть страны превращена в пустыню»: отравлена и выжжена ради быстрой добычи никеля. Однако не преминул добавить: зато здесь нет той «высокой мировой ступени», какой достигла Россия в литературе и, возможно, в искусстве (жене, 17 августа 1913 г.).

В преддверии Первой мировой войны записал: «Атмосфера тревожная, как будто накануне гражданской войны» (9 октября 1913 г., Петроград); «развертывается небывалая в истории катастрофа или, может быть, новое мировое явление. В нем чувствуешь себя бессильной былинкой». И поставил вопрос – «что делать мне?» – отмечая: «В сущности, массы за большевиков» (3 ноября 1913 г.). «Очень смутно и тревожно за будущее... и очень ясно чувствуешь теперь силу русской нации... Что бы ни случилось в государственных формах, великий народ будет жить. Думаю о новых научных работах» (6 ноября).

Тревожно. Хочется найти выход. «Ясно, что унитарная Россия кончилась. Россия будет федерацией. Роль Сибири будет очень велика. Несомненно, в большевистском движении много глубокого, народного». Когда лавина остановится, можно «освободить от обломков, наводить новый порядок» (14 ноября 1913 г.).

*Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии. – 1944, Т. XVIII, вып. 2.

Вернадский – ученый-организатор: под его руководством работала Комиссия по изучению естественных производительных сил (КЕПС), созданная в 1915 г. (и действовавшая вплоть до 1930 г.). Ведь он начинал научную работу как минералог, превративший эту науку из описательной в генетическую. Первая в истории АН минералогическая лаборатория, созданная Вернадским в 1911 г. в составе Геологического и минералогического музея, избрала одним из основных направлений работы изучение явлений радиоактивности, начало этих исследований в России целиком связано с его именем. Тогда же он строил планы на перспективу: найти средства для широких научных исследований природы и создания сети лабораторий, музеев и институтов («Война и прогресс науки», 1915). С 1911 г. он целиком занялся наукой, когда в знак протеста против нарушения автономии Московского университета, в котором работал с 1890 г., вышел в отставку и отказался от преподавания.

Во время Февральской революции 1917 г. (с 9 октября до 19 ноября) Вернадский – товарищ (заместитель) министра просвещения во Временном правительстве. Его усилия связаны с открытием Пермского университета. Записывает: надо ждать результатов выборов в Учредительное собрание – и признает, что в большевистском движении «очень много глубокого, народного». Верит в демократию, как она себя показывала в истории. Но русский народ до нее не дорос. Возврат к унитарной монархии невозможен, выход один – федерация (14 ноября 1917 г.).

После Октября, в декабре 1917 г., уговоры друзей повлияли на переезд ученого из Петрограда на Украину, чтобы лечиться от туберкулеза и спастись от ареста. В вагоне рассуждал о неизбежности идейного и морального крушения социализма. А на его место что поставить? «Идеал единой космической организации человечества через государство? Космической цели овладения природой путем развития организации научной работы, научной мысли? Достижение идеала красоты в жизни? Углубление религиозного искания для познания божества и достижения настоящего братства? Усиление духовных стремлений человеческой личности в ущерб тем материальным, какие выставлялись социализмом?» (20 ноября 1917 г.).

В 1918 г. участвует в создании Украинской академии наук, избирается ее президентом. И навсегда порывает с партией кадетов – первой легальной партией в России (1905–1917), в ЦК которой он входил. С 31 октября 1920 г. по просьбе коллектива становится ректором Таврического университета (перечеркивая этим согласием открывшуюся возможность научной работы в Англии), что совпало с завоеванием Крыма – Симферополя одновременно большевиками и махновцами.

Несмотря на политический хаос, много работает над живым веществом. Находит опору «в свободной мысли, научной работе, в научном творчестве». Горько замечает: «Сильно презрение к народу моему и тяжело переживать. Надо найти и нахожу опору в себе, в стремлении к вечному, которое выше всякого народа и всякого государства» (март 1918 г.). Гражданская война ставит перед выбором. Добровольческая армия стремится только к реставрации (24 ноября 1919 г., Ростов). Но идея

«большого “великого” государства» не могла повести за собой массы. Все правые течения потерпели фиаско. Восстановление России должно идти по пути федерации. И здесь очень важна «связующая работа русской культуры» (11 января 1920 г.). Думал: «...интересы и спасение России сейчас в победе большевизма на Западе и в Азии. Необходимо ослабление “союзников”» (16 января 1920 г. Пароход «Ксения»). Но иллюзий на этот счет у Владимира Ивановича не было никаких: «Большевизм держится расстройством жизни. При налаженной культурной жизни в мировом масштабе он не может существовать и так или иначе должен измениться. Это форма низшего порядка даже по сравнению с капиталистическим строем, так как она основана на порабощении человеческой личности» (2 ноября 1921 г.). Классовый смысл происходящего тогда явно отступал перед его либеральными приоритетами.

Это не мешало ученому активно работать на благо страны. По праву Вернадский стоит у основания Радиевого института (1922), директором которого он был до 1939 г. и настаивал на его срочной эффективной реорганизации (в письме к В.М. Молотову от 21 марта 1932 г.). Исследования радиоактивных минералов в 1923–1925 годах В.И. Вернадский проводит во французском Радиевом институте, в котором работала Мария Склодовская-Кюри. В 1928 г. В.И. Вернадский создает Биогеохимическую лабораторию Академии наук, в 1947-м преобразованную в Институт геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского.

Вернадский вносит вклад в научную революцию своим учением о биосфере и ноосфере. Его «Очерк первый. Биосфера в космосе» (Прага, 1926) предваряет эпиграф из любимого поэта: «Невозмутимый строй во всем // Созвучье полное в природе» (Ф. Тютчев, 1865), отражая гармонию лика Земли. Вечное взаимодействие поверхности нашей планеты, ее биосферы с космическими излучениями, главным образом Солнца, меняет ее лик. Биосфера превращает космическую энергию в действительную земную энергию – в электрическую, химическую, механическую, тепловую... Тем самым получает «новые, необычные и неизвестные для земного вещества свойства» и выявляет «новую, измененную космическими силами картину земной поверхности».

Биосфера перерабатывает лучистую тепловую энергию Солнца. Атмосфера, океан, озера и реки, осадки – аппарат, который производит эту работу. Мировой океан благодаря особым, исключительным тепловым свойствам воды является регулятором тепла, влияя на бесчисленные явления погоды и климата, процессы жизни и выветривания.

Научная человеческая мысль «могущественным образом меняет природу». И нигде это «не проявляется так резко, как в истории химических элементов в земной коре, как в структуре биосферы». «Вновь созданный геологический фактор – научная мысль – меняет явления жизни, геологические процессы, энергетику планеты. Очевидно, эта *сторона* хода научной мысли человека является *природным явлением*».

В конце 1930-х – первой половине 1940-х гг. Вернадский работал над монографией «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения»,

первое издание которой вышло только в 1965 г. Большое внимание уделял ясности изложения: «Важно пытаться сжимать свои мысли в краткие максимы... для дисциплинирования ума и способности ясного мышления и ясной речи» (дневник, август 1892 г.). Этот метод применен в крепко сбитой обобщающей статье «Несколько слов о ноосфере» (1944).

Две мировые войны кардинально повлияли на его научные взгляды. Первая мировая, как он написал, «изменила в корне мое *геологическое миропонимание*». К тому же она привела Россию «к новой – исторически небывалой – *форме государственности*». Что позволило Вернадскому, взглянув на них с точки зрения натуралиста и историка, соединить эти два явления такой мощности в «единый большой земной геологический, а не только *исторический процесс*».

«Человечество как живое вещество неразрывно связано с материально-энергетическими процессами определенной геологической оболочки Земли с ее биосферой. Все человечество «как живое вещество» представляет ничтожную массу вещества планеты, и мощь его связана не с его материей, но с его мозгом, с его разумом и его трудом». Отсюда прогноз: «В геологической истории биосферы перед человеком открывается огромное будущее, если он поймет это и не будет употреблять свой разум и свой труд на самоистребление».

Тогда возможно коренным образом изменить исторический процесс в целом. Впервые в истории человечества определить его жизнь в интересах народных масс и свободной мысли личности, в соответствии с его представлениями о справедливости. Человечество становится «мощной геологической силой». И ему предстоит решать «вопрос о *перестройке биосферы в интересах свободномыслящего человечества как единого целого*». «Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть “ноосфера”». Это «новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится *крупнейшей геологической силой*».

«Лик планеты – биосфера – химически резко меняется человеком сознательно и главным образом бессознательно. Меняется человеком физически и химически воздушная оболочка суши, все ее природные воды». «Мы вступаем в нее – в новый стихийный геологический процесс – в грозное время, в эпоху разрушительной мировой войны» («такой мощности, длительности и силы – *небывалое явление*»). При этом его настрой был слишком оптимистичен (что соответствовало его пассионарной натуре и запросам): «...идеалы нашей демократии идут в унисон со стихийным геологическим процессом, с законами природы, отвечают ноосфере», поэтому можно смотреть уверенно на наше будущее (1944).

С удовлетворением ученый зафиксировал: «...я сжато, но подошел к закону природы – новому» (21 июля 1944 г.). «Впервые чувствуешь планету как целое» (26 июля 1944 г.).

Считал, что его новое мировоззрение сложилось после 1922 г. (22 марта 1942 г.). А взрывы научного творчества повторяются через столетия, когда скапливаются в одном или нескольких поколениях, в одной или многих странах «богато одаренные личности, которые

создают силу, меняющую биосферу». Такие личности – «всегда редкое явление». Необходимо, чтобы совпали два феномена: рождение богато одаренных людей и благоприятные социально-политические и бытовые условия. Однако основным является рождение талантливых людей и поколений («Мысли о современном значении истории знаний», 1926).

Таким был М.В. Ломоносов – великий ученый, один из тех, что считаются «единицами в тысячелетней истории человечества». Он воплощает тип ученого – «по природе борца, полного инициативы и начинаний, блестящего диалектика и организатора», порвавшего со схоластикой. «Великим счастьем русского народа» Вернадский называет совпадение двух явлений, что в эпоху перестройки культуры на европейский лад он не только имел «государственного человека типа Петра, но и научного гения в лице Ломоносова». Он шел «в передовых рядах человечества» и зашел далеко вперед, за пределы доступного его современникам и ближайшим потомкам. Оценили его только теперь, через 200 лет после его рождения. Он делал свое национальное и общечеловеческое дело не только при непонимании окружающей его среды, но и в тяжелой обстановке, не дававшей ему средств и досуга, необходимых для научного творчества, для проведения в жизнь его мысли. Вернадский негодует, что и теперь русским ученым приходится бороться «за возможность научной работы». Резон один: «Только тот народ может сейчас выжить свободным и сильным в мировой жизни, который является творческим народом в научной работе человечества» («Общественное значение ломоносовского дня», 1911).

Гете – «самый глубокий натуралист», достойный объект размышлений Вернадского, чувствующего в нем «что-то родственное»: «Он научно охватывал всю земную природу, все науки, связанные с биосферой. Гете чувствовал природу как живую. Природа для него была область жизни, т. е. биосфера». В образной, художественной форме Гете выразил «как основную жизненную цель научного знания» во второй части «Фауста». Высший смысл жизни Фауста – в овладении природой силами науки, выраженный «языком XX в. – ноосферы». Такая задача для государственных деятелей его времени почти не существовала. Здесь Гете был впереди своего времени и мыслил синтетически: «Надо брать природу как целое». И его целое было «вечно изменчивое, вечно подвижное, в частности неустойчивое равновесие, не механизм, а организованность». Благодаря своему пантеизму, он принадлежал к нашему, а не к тому времени. Синтетический подход характерен для наших научных и философских исканий, когда грани между науками стираются и мы научно работаем по проблемам, не считаясь с научными рамками («Мысли и замечания о Гете как натуралисте»*, 1938).

Его не подводит чувство историзма, когда изучает развитие научных идей: история научных идей никогда не может быть окончательной,

*Фрагменты труда датируются 1938 г., авторскую правку ученый вносил в 1941–1944 гг. Впервые опубликован в 1946 г., после смерти автора.

а всегда будет являться отражением современного состояния знания, и каждое поколение пишет ее вновь. «Человечество не только открывает новое, неизвестное, непонятное в природе, но одновременно – многочисленные забытые проблески понимания отдельными личностями этих, казалось, новых явлений. Мы всегда с удивлением находим предшественников» («Памяти М.В. Ломоносова», 1911) В «Хронологии 1938 г.» записывает: «Наука – это не создание отдельных ученых – а всего коллектива поколений» (26 мая). «Мир – реальность – есть геологически длительное проявление вековой совокупности сознаний» (27 мая).

Разум ученого откликается на события научными перспективами. Ошеломил полет швейцарского физика, конструктора Огюста Пикара в стратосферу – сделан вывод: «...человек выйдет из своей планеты». И затем рассуждение: «Впереди время науки – царство крупных диктаторов-ученых». Сейчас же наши ученые поставлены «почти в положение рабов (а иногда прямо в положение рабов)». Вернадский в разговорах с коммунистами не скрывал своих мыслей. «Мне чужд капиталистический строй, но и чужд здешний. Царство моих идей впереди... Я, конечно, до этого не доживу» (20 июня 1931 г.). Последние месяцы со всех сторон видит начало нападений на его взгляды. Не допущено печатание «Биосферы» (немецкой) и «Живого вещества» (14 марта 1931 г.). С гидрогеологического съезда в Ленинграде (январь 1930 г.), где «господствовала группа “философов”», Вернадский фиксирует начало своего сердечно-го заболевания (из «Хронологии 1930 г.»). Понимает, что его научные взгляды не разделяются (28 августа 1928 г.). Его «угнетает бездарность новых официальных философских исканий при даровитости народа» (9 июня 1931 г.). В письме В.М. Молотову от 13 февраля 1936 г. ученый требовал, страдая от цензуры, от ограниченного доступа к достижениям мировой науки, – «решительного, коренного и резкого перелома» в организации научного общения. «Это большое, но исправимое несчастье».

О проходящем съезде ВКП(б): «Удивительное впечатление банальности и бессодержательности, раболепства к Сталину». Только интересны речи Сталина, Ворошилова, Молотова. «Это заставляет сомневаться в будущем большевистской партии. Во что она превратится?» (19 марта 1939 г.).

Его отклики на социальные процессы – бескомпромиссны. О коллективизации говорит как о явлении непредсказуемом: «Медленно складывается историческая жизнь – но основной тон дает крестьянство». Начинает развиваться борьба с крестьянством. Идет их грабеж, совершается «безумная попытка их поработить». Кажется, наступает «новый исторический перелом революции: власть или уступит, или сделает скачок в неизвестное» (8 августа 1928 г.).

«Сейчас вся страна приведена в движение. Совершается огромное дело. Но никто не может сказать, к чему [это] приведет». Называет «три корня»: социалистическая мысль в коммунистической форме; диктатура организованной привилегированной касты; старые навыки полицейского государства без всякого идеологического удержки: провокационные

инквизиторские процессы. Что выйдет из этого? «Настоящий творец революции» – крестьяне, с их стремлением к земле и вековой ненавистью к угнетению, кажутся побежденными? Но «опыт интереснейший». Применение новейшей техники (МТС) при насильственном рабстве ее создателей и огромной воле действовать. «Возможно, Сталин крупнее Ленина. Результат может быть тоже большой, если только выдержит народ» (10 июня 1931 г.). Систему не шадит: «Принципы большевизма – здоровые; трупни и полиция – язвы, которые вызывают гниение, – но здоровые основы, мне кажется, несомненно, преобладают» (9 июля 1931 г.).

Когда в 1932 г. был в Хибинах, поразился огромной стройке и встретился «с так называемыми “кулаками”», убедился, что они сыграли «огромную созидательную роль в овладении Севером», несмотря на преследования ГПУ – «явно аморального и преступного». Тогда представилось, что как рабочая сила – это «цвет русского народа». Ужасало, что в основе этого лежит «труд крепостной» – на горе, насилии, страданиях невинных. Но при всем том «силен дух», как это понимается и переходит от поколения к поколению (12 февраля 1932 г.).

Репрессии вызвали у него чувство развала. Кажутся «непонятными, и странными, и вредительскими» эти жестокие меры – против «невинных “бывших”». Мать Зиночки (его внучатной племянницы) выслана на 5 лет за то, что она – вдова царского офицера. Дочь Шаховского Аня не принимается на службу, потому что бывшая княжна. В ночь на 27 июля арестован Д.И. Шаховской, как раз перед изданием Чаадаева и блестящей, глубокой работой его над всей эпохой (28 июля 1938 г.).

Борьба с православием: невероятно глупа и невежественна антирелигиозная пропаганда. Но религия фактически очень сильна. Арестовывают последних священников, облагают несправедливыми налогами. Арестовывают «виновных(?) и совсем невинных немцев». Всюду разговоры об арестах, они становятся основным бытовым явлением, разрушающим жизнь (ноябрь 1938 г.). О Колыме слышит уже не раз: выдерживают 2–3 года. Гибнет чуть не половина (10 ноября 1939 г.). Не может мириться с двойственностью системы: «...великие идеалы и полицейский режим, террор» (4 октября 1939 г.)

Но если многие смотрят в ближайшее и отдаленное будущее мрачно: «...человечество идет к одичанию», на его взгляд – нет, «совершенно иное – к ноосфере». Хотя предвидит: придется пережить столкновение. «Переход в ноосферу, вероятно, произойдет в пароксизме» (4 января 1938 г.).

Ученый, недовольный бездарной печатью, добился права получать зарубежную прессу: «Manchester Guardian Weekly», «Nature», «Nouvelles Littéraires», «Times Weekly», – постоянно требуя бесперебойной доставки и недопустимости купюр. Много для понимания происходящего давало чтение подцензурной газеты. Выдержка из дневника: «...пришла и "Manch[ester] Guard[ian]", вырезаны статьи о Сталине и Гитлере – вероятно, лакеи из Главлита побоялись? Но все важное и нужное есть» (18 сентября 1939 г.). «Возможность лично для меня пользоваться большей

свободой в чтении иностранной печати помогает мне переносить гнет» (8 декабря 1939 г.).

С начала Великой Отечественной войны Вернадский черпает свой оптимизм из собственных научных открытий: «Ноосфера, в которой мы живем, – является основным регулятором моего понимания окружающего» (30 июля 1941 г.). Для него «ноосфера – не фикция, не создание веры – а эмпирическое обобщение» (6 октября 1941 г.). Факты для обобщений содержатся в дневниковых записях лета 1941 г. Прежде всего речь идет о нашем социальном строе. Читал книгу «Lenin» профессора Карлова университета З. Неедлы (1937) и возникла мысль: из первой мировой войны вышло «полицейское государство», сходное с прежним. Но с другой целью – «социализм без свободы личности, без свободы мысли. Но это не ноосфера...» («Многое было бы иначе, если бы его [В. И. Ульянова-Ленина] жизнь не была насильственно прервана»). Тогда у него «ясно сложились представления о свободе мысли как основной геологической силе». С ней он связал начало ноосферы, которую определил как «целый исторический перелом», даже больше, чем исторический (12 июня 1941 г.). Без свободы мысли ученый не представлял себе социализма (13 июня 1941 г.). Поэтому советский строй, когда миллионы людей превращены «"на время" – в заключенных – своего рода рабство» (16 июня 1941 г.). Считал, что этим искажается идеал коммунизма и в мировом аспекте страна теряет свою моральную силу (3 мая 1941 г.). Поэтому союз с англосаксонскими государствами – демократиями (антигитлеровскую коалицию) он воспринимает как поворот «огромного значения», ибо в их жизнь глубоко вошли «идеи свободы мысли, свободы веры и формы больших экономических изменений с принципами свободы». В то время как мы в мировом столкновении представлены как «тоталитарное государство – вопреки тем принципам, которые вели нашу революцию» (15 ноября 1941 г.). Война позволила ему почувствовать «"мировой" стихийный процесс – зарождение в буре и грозе ноосферы»: в итоге немцы рухнут и великие демократические идеи (свобода мысли и свобода веры) очистят от временных нарастаний (таких как ГПУ, разлагающее партию большевиков) (26 августа 1941 г.). Мир был расколот на два лагеря, и ученый оказался на той стороне, где «демократия – стремление создать ноосферу – будущее». К тому же, измеряя это время личностями, Вернадский называет его удивительным, выдвинувшим на историческую арену таких людей, как Сталин, Рузвельт, Черчилль, Чан Кайши, Неру (22 февраля 1942 г.). Германия не вписывалась у него в ноосферу. Пространство ноосферы определялось как, как свободный, демократический мир. Себя же ученый ощущал человеком ноосферы, ее носителем. Именно с ноосферой связывалась его уверенность и надежда на будущее. Однако он, отбрасывая реальный фактор геополитических противоречий в мире и увлекаясь идеологическими приоритетами, в какой-то мере переоценивал их.

Высоко понимая свое научное предназначение, Вернадский делает запись в дневнике (27 февраля 1920 г.): «Я ясно стал сознавать, что мне

суждено сказать человечеству новое в том учении о живом веществе, которое я создаю, и что это есть мое призвание, моя обязанность... которую я должен проводить в жизнь, – как пророк, чувствующий внутри себя голос, призывающий его к деятельности, я почувствовал в себе демона Сократа». Сейчас понял: это учение может оказать такое же влияние, как и книга Дарвина. В таком случае он попадает «в первые ряды мировых ученых», представляя другой аспект эволюционного учения.

Это стало очевидным только после болезни: в начале 1920 г. Вернадский перенес сыпной тиф. И то «странное состояние», пережитое во время болезни, не без настояний родных, он отразил в дневнике. В мечтах и фантазиях, в мыслях и образах всплывали перед ним глубочайшие вопросы бытия. Возникла картина будущей жизни до смерти. Не вещий сон это был, а «интенсивное переживание мыслью и духом чего-то чуждого окружающему, далекого от происходящего... до такой степени интенсивно и так ярко, что я совершенно не помню своей болезни и выношу из своего лежания красивые образы и создания моей мысли, счастливые переживания научного вдохновения». Был не в бреду, а «бодрствовал» (25 февраля/9 марта 1920 г.).

Остались в памяти две идеи: о новой мировой организации научной работы, об исследованиях живого вещества. Высветилась цель жизни – создание огромного международного института для изучения живого вещества, могучих исследовательских учреждений нового типа, призванных в будущем «совершенно изменить весь строй человеческой жизни, структуру человеческого общества» (его старые идеи 1915 – 1917 гг. касались организации научной работы только в России и теряли реальную основу с ее крушением) (11/12 марта 1920 г.).

Странные «Размышления перед смертью» 1920 г., видимо, тоже сыграли свою роль. И с конца 1930-х гг. Владимир Иванович приступил к подготовке автобиографической книги «Пережитое и передуманное»*, которую стал писать в 73 года, но вплотную лишь в 1941 году в эвакуации (Боровое). Работал над ней до конца своей жизни, но завершить не успел. Ему и раньше хотелось «раскрыть свою личность, свои мысли, свои знания, все духовное содержание моей природы до конца, в полной силе» (4 июня 1918 г., Киев). Несомненно, он сам был для себя интересен, потому что «научная мысль сама по себе не существует, она создается человеческой живой личностью, есть ее проявление. В мире реально существуют только личности, создающие и высказывающие научную мысль, проявляющие научное творчество – духовную энергию». «В научно выраженной истине всегда есть отражение – может быть, чрезвычайно большое – духовной личности человека, его разума» (1926).

Подойдя к возрастному рубежу, испытывает новое состояние: «Чувство спокойное у меня неизбежности смерти, как естественной правды. К старости примиряешься со смертью, сопровождаемой страданием.

*Вернадский В.И. *Пережитое и передуманное*. – М.: Вагриус, 2007.

Чувствую вечность» (25 сентября 1941 г.). И далее: «Готовлюсь к уходу из жизни. Никакого страха. Распадение на атомы и молекулы». «Ясно для меня, что творческая научная мысль дошла до конца. Смогу кончить "Химическое строение биосферы Земли и ее окружения" и, может быть, геохимическую карту Московской области на основе геологической карты» (27 декабря 1942 г.).

Из письма Л. Толстого от 1 февраля 1885 г. делает выписку: **«Как ужасно тяжело жить без любви, и еще тяжелее умирать. Я когда один, всегда яснее, живее представляю себе смерть, о которой всегда думаю, и когда я представил себе, что умру не в любви, то стало страшно. А в любви только можно жить счастливо и не видеть как умрешь»** (10 марта 1942 г.). В первый раз прочел Толстого «Смерть Ивана Ильича», вспоминая, что И.И. Петрушкевич считал эту повесть «одним из очень глубоких сочинений» писателя (20 июля 1944 г.).

Записи 40-х говорят о желании собрать воедино историю семьи: интеллигентной – в семи поколениях. По мужской линии Вернадские – пять поколений с высшим образованием. По линии жены высшее – только у ее отца Е.П. Старицкого. Из низов: потомки Верны – запорожцы (протест против рабства). Потомство (сын, дочь с внучкой) – в США. Хотелось поехать туда перед смертью. Воспоминания масштабно развертывались на фоне истории своей личности и семьи: «Живу в мире перемен. Начало ноосферы. Какой переворот пережит! Чувство единства всего человечества» (27 декабря 1942 г.).

С июля 1941 г. стихийно занялся «Хронологией нашей жизни», собрал драгоценный материал, чтобы писать «мемуары моей исключительно интересной жизни». Признавал: «Но творческой научной работы уже не будет – не по силам» (4 января 1943 г.).

Запись 13 марта 1942 г.: «Сегодня мне 79 лет – по-видимому, я достиг самого старого возраста в моем роду». Свое долголетие объяснял отсутствием пристрастий: за всю долгую жизнь выпил одну рюмку водки. Отец пил легкое французское вино, он – тоже и урывками. Никогда не курил и в семье был один некурящий (28 июля 1944 г.). Но главное все же – состояние его духа. Сам называл себя «наибольшим оптимистом – благодаря сознанию ноосферы», потому и считал гибель гитлеровской Германии неизбежной (17 августа 1941 г.).

Ему дороги «великие творцы человечества» и постоянно хотелось войти в «область вечного» – литературу и искусство. Очень начитан, интересы необычайно широки: любил античных авторов, открывая у них законы человеческого творчества (читал в подлиннике Платона, Лукреция); выделял Данте, Сервантеса, Рабле. Перечитывал Бомарше, Мольера, Диккенса, Монтескье... Читал в оригинале Декарта, Д. Бруно, Спинозу, Канта. Гордился великой русской литературой и музыкой XIX века, открыл «поразительную красоту и глубину» русской иконы XII–XVI веков.

Это служило ему поддержкой в тяжелые времена. Весной 1918 г. обратился к Достоевскому, который «при всем пессимизме так сильно верил в духовную мощь русского народа, проникая очень глубоко в его

сущность»: «Мне тяжел был его анализ и его представление о людях. Но сейчас, когда пришлось столько пережить!» – искал у него проникновения в народную душу. К тому же писатель ясно понимал и «заразу, которая проявилась в русском нигилизме, прообразе большевизма». Ученому интересны «Белые ночи» или «Маленький герой», ибо в них «сквозит та мысль, которая мне дорога»: иногда настоящим является только один миг, но из-за которого вся жизнь человека приобретает иной смысл. Этот миг есть «часть того вечного, что строит сущность живого вещества, одним из проявлений которого мы являемся...».

Чтение было связано и с тематикой работы. Вернулся к Рабле. «Как-то хорошо уйти совсем в старину, дальше от современного», – писал он, вновь открывая автора, любимого в молодости. Сейчас тоже потрясений не меньше, чем в XVI веке. Рабле нравился «каким-то ярким натуралистическим настроением, по существу возвышенным». Работая над «Мыслями о живом веществе», думал как раз о двух научных мировоззрениях – физическом и натуралистическом. И заключал: тяжело жить сейчас, хотя Россия подымется, но хочется уехать скорее в Англию и Америку и отдаться всецело научной работе (1920).

Сначала не понимал, а потом высоко оценил музыку: она дает нам возможность проникать в реальность, столь же глубоко, как наука, доставляет огромное наслаждение. Хотя ее не запоминал, но не раз во время слушания музыки решал научные проблемы (1943). Сейчас обнаруживают связь музыки с ДНК (она непрерывно звучит!). У человека есть свой информационный двойник – энергетическое поле, управляющее нашей ДНК.

У Вернадского все в единстве: научное, философское, религиозное и художественное. Его взгляд на природу в понятиях: вечность жизни, организованность, равновесие, планетарный человек и планетарное человечество – вписывает ученого в философию русского космизма. Первая основная предпосылка перехода биосферы в ноосферу связана у Вернадского с новым фактором: в XX веке единая научная мысль охватила всю планету. На этом фоне разворачивается взрыв научного творчества. Всякий научный факт, всякое научное наблюдение сразу становятся общим достоянием. А интеграция науки прокладывает пути к интеграции мира.

Для эпохи глобализма В.И. Вернадский представил завораживающий проект преобразования мира, отвечающий запросам большинства людей и отдельной творческой личности. Это делает ученого-пассионария с оптимистическим ноосферным видением будущего – носителем самого передового, жизнеутверждающего мировоззрения. Ради спасения Человека, планеты и гармонии в устройстве жизни на Земле. Стремление свободной личности и свободной мысли к идеалу – смысл такой Жизни.